

Мы выбираем кота

Январь 2012 года

Никогда прежде я не выбирала кота. Коты сами выбирали меня, или меня выбирали люди, предлагавшие котов. Однажды я увидела котенка, вопившего на дереве около Юклид-авеню, — я его спасла, и он вырос в серо-полосатую зверюгу весом в четырнадцать фунтов. Несколько кварталов в Беркли до сих пор населяют его серо-полосатые потомки. Еще было дело: прелестная золотистая Миссис Тэбби, видимо после интрижки со своим прелестным золотистым братцем, подарила нам несколько золотистых котят, и мы оставили Лорела и Харди. А однажды, когда умер Уилли, мы попросили доктора Морган дать нам знать, если кто-то подбросит котенка к дверям ветеринарной клиники — люди иногда так поступают, — и доктор Морган сказала, что это вряд ли, сезон котят давно прошел, но следующим же утром обнаружила у порога шестимесячного франта в черном смокинге с манишкой. Доктор Морган позвонила нам, и Зорро тринадцать лет делил с нами кров.

Когда прошлой весной Зорро умер, в доме стало пусто. Мы почувствовали, что дому снова нужна душа (один француз сказал,

что кошка — это душа дома, и мы с ним согласны). Но ни один кот не спешил нас выбирать, и ни один кот не был нам предложен, и на деревьях тоже никто не вопил. Поэтому я попросила Кэролайн, мою дочь, сходить со мной в Общество защиты животных и помочь мне выбрать кота.

Я хотела не слишком старого, спокойного домашнего кота, подходящего по темпераменту восьмидесятилетним хозяевам. Мужского пола — не то чтобы у меня имелись на то какие-то особые причины, просто все звери, которых я особенно любила, были котами. И я надеялась, что он окажется черным — ведь я так люблю черных котов, а этот окрас, как я читала где-то, считается самым непопулярным.

Впрочем, я бы согласилась на любого. Я нервничала из-за предстоящей поездки. Да что там, если честно, я была в ужасе.

Как можно выбирать кота? И что станет с теми, кого я не выберу?

Портлендское отделение Общества защиты животных — удивительное место. Оно огромно, я успела увидеть только вестибюль и кошачье крыло здания: комнаты, комнаты, комнаты, наполненные кошками. Во всех этих комнатах находились люди, персонал или волонтеры: мало ли, вдруг что-то понадобится. Все было организовано просто и эффективно, отчего атмосфера этого места показалась мне легкой и дружелюбной. Когда ты один из множества людей, ежедневно приносящих или забирающих животных, когда ты видишь этих животных, бесконечную череду, когда осознаешь, сколько усилий требует уход за ними, тот факт, что здесь еще как-то умудряются поддерживать легкую и дружелюбную атмосферу, представляется почти невероятным и вызывает восхищение.

С интерфейсом «человек — животное» в наши дни большие проблемы, и в некотором смысле Общество защиты животных демонстрирует, насколько они болезненны. Однако во всем, что

попало мне на глаза в ту поездку, я видела подтверждение, что люди способны творить добро, когда берутся за дело разумно и с душой.

Итак, мы направились в кошачье крыло, осмотрелись и обнаружили, что пожилых котов, которых можно забрать, здесь очень мало. Большинство из них попали сюда из одного места, о котором я недавно читала в газете: одна женщина держала девяносто кошек, будучи уверена, что любит их всех, хорошо ухаживает за ними и все они чувствуют себя прекрасно... Наверное, вы тоже знаете эту грустную историю. Общество защиты животных забрало у той женщины около шестидесяти питомцев. Добрая сотрудница, которая сопровождала нас, рассказала, что они не в таком скверном состоянии, как большинство животных, оказавшихся в подобной ситуации, и что они очень ручные, но какое-то время им понадобится особый уход. Это звучало совершенно непонятно.

Остальное зверье было преимущественно котятами. «Кошки нынче окотились очень поздно», — сказала сотрудница. «А помидоры опомидорились», — подумала я.

В комнате, где находились семь или восемь котят, Кэролайн увидела трубу из капроновой ткани на каркасе, предназначенную для кошачьих игр: она ходила ходуном, в ней явно был кто-то активный. В конце концов из трубы с довольным видом выбрался небольшой черно-белый кот очень яркой наружности. Наша провожатая сказала, что он старше остальных: ему уже исполнился год. Мы попросили разрешения познакомиться с ним поближе. Нас провели в специальную комнату, затем сотрудница центра принесла этого мальчика, будто одетого в смокинг.

Он казался слишком маленьким для годовалого кота — весил всего семь фунтов. Однако хвост он держал пистолетом, восхитительно урчал, много мяукал тонким голоском и часто ложился на бок, ожидая игры или ласки. Он был явно доволен жизнью и воспринимал это как нечто само собой разумеющееся. Ластился

к нашей провожатой, пока она не ушла, оставив нас наедине с котом. Пообщавшись с ним, мы выяснили, что он не пуглив, охотно идет на руки, не возражает против того, чтобы его тискали и гладили, но на коленях сидеть не хочет. Глаза у него были ясные, шубка атласная и мягкая, хвост — черный и весьма подвижный, а черное пятно на левой задней лапе показалось мне восхитительно милым.

Сотрудница центра вернулась, и я сказала: «Я его беру». Для нее и для моей дочери это прозвучало довольно неожиданно. Для меня, пожалуй, тоже. «Вы не хотите взглянуть на других животных?» — спросила женщина.

Нет, я не хотела. Отдать этого кота и пойти смотреть других, чтобы в результате выбрать кого-то — но не его? Я не могла так поступить. Судьба, или воля Повелителя Зверей, или что-то еще снова подарили мне кота. Это было хорошо.

Прежняя владелица животного добросовестно заполнила опросник Общества защиты животных. Ее ответы оказались полезными, но просто разрывали сердце. Читая между строк, я узнала, что первый год котенок и его брат находились при матери в доме, где жили дети в возрасте до трех лет, от трех до девяти и от девяти до четырнадцати, но взрослых мужчин не было.

Причину, по которой кошку с котятами отдали в приют, я вполне понимала: «Не могли позволить себе содержать их».

В Обществе защиты животных мой кот провел всего четыре дня. Его сразу стерилизовали, и он быстро пошел на поправку. Он был в отличном физическом состоянии, упитанный, ухоженный, общительный, дружелюбный, игривый, веселый маленький домашний зверек. Мне было не по себе при мысли о том, как плакали его прежние хозяева, расставаясь с ним.

Он живет с нами уже месяц. Как предупреждала его прежняя владелица, он немного сторонится мужчин, но не шарахается от них.

Детей он не боялся, но держался с ними настороже. Мы прожили тринадцать лет с застенчивым и нервным Зорро, постоянно прятавшимся, в том числе и от моей дочери Кэролайн: однажды она привела с собой двух дурно воспитанных псов, и за десять лет Зорро так и не простил ее. Наш новый питомец не таков. По правде говоря, он кажется слишком храбрым. Он вырос, живя то на улице, то в квартире, но, оказавшись у нас, он поначалу отказывался покидать дом, пока не потеплеет. В конце концов ему, разумеется, пришлось, и я могу только надеяться, что он знает, что некоторых вещей там, снаружи, стоит остерегаться.

Как многие молодые коты, раз или два в день он бесится, носится по комнате на высоте трех футов, сшибая предметы и попадая в неприятности. Кричать на него в такие моменты бесполезно, лучше несильно шлепнуть его по попе: тогда он понимает, чего от него хотят, и запоминает, что значат слово «нельзя» и предупреждающее движение хозяйской руки. К своему расстройству, я обнаружила, что иногда, стоит мне на него замахнуться — и он тут же съезживается и уползает, как побитая собака. Я не знаю, откуда у него такой страх, смотреть без слез на это нельзя. Так что все, что я могу сделать, когда он шалит, это сказать «нельзя» и легонько хлопнуть его по попе.

Вонда* прислала мне целое ведро «супершариков», чудных штук для игры в футбол в одиночку и сброса избыточной энергии. Мой новый кот прекрасно разбирается во всех разновидностях игры с веревочкой. Когда он побеждает в «Веревочке-на-палке», то уходит с трофеем, довольно волоча его по ступенькам: стук, бряк, цок. Еще он очень хорош в игре «Лапа-под-дверью», но вот в «Лапе-сквозь-перила» ему еще тренироваться и тренироваться: в доме, где он вырос, ничего похожего не было. Это стало ясно в первые несколько дней, когда он знакомился с нашими лестницами — абсолютно

* Имеется в виду американская писательница Вонда Макинтайр (1948–2019), давняя подруга Урсулы Ле Гуин.

новыми для него поверхностями. Процесс его обучения был крайне забавен, но представлял опасность для нас, стариков, которые и без крутящегося под ногами кота с трудом одолевают подъем. Впрочем, наш питомец быстро овладел искусством перемещения вверх и вниз и теперь бежит впереди нас, едва касаясь ступенек, словно родился в многоэтажном доме.

В Обществе защиты животных нас предупредили, что сейчас бушует кошачья простуда и что наш кот мог подхватить ее от содержащихся в приюте животных. Они сделали все, что было в их силах. Домой к нам он приехал больным, две недели страдал насморком — что, впрочем, было не столь уж и плохо, потому что в этом состоянии он все время просился на руки и много спал, так что нам удалось потихоньку привыкнуть друг к другу. Я не слишком беспокоилась за него, потому что температуры у него не было и аппетита он не терял ни на миг. Да, он фыркал и чихал, когда ел, — но ел, и ел много... Подушечки с начинкой. О, эти подушечки! О радость! Счастье гурмана — со вкусом тунца, и суши, и куриной печени, и икры, и всего сразу! Думаю, подушечки — это все, что он когда-либо ел. Подушечки для него олицетворяют еду. А еду он любит. Нет, он вовсе не привереда. Напротив, требуется вся наша воля, чтобы кот не превратился в шар. Мы и впредь будем следить, чтобы он не передал.

Наш кот красив, но настоящая, необычная красота таится в его глазах. Надо заглянуть ему в глаза, чтобы осознать это. Вокруг больших темных зрачков расходится яркая зелень, переходящая по краям в красновато-желтый оттенок. Я видела такие волшебные переливы в полудрагоценных камнях: у нашего кота хризоберилловые глаза. «Википедия» сообщает, что хризоберилл, он же александрит — это трихроичный камень. Он может казаться изумрудно-зеленым, красным или оранжево-желтым в зависимости от того, под каким углом падает на него свет.

Пока кот был простужен и мы с ним лежали вместе на кровати, я подбирала ему имя. Александр — слишком претенциозно. Хризоберилл — слишком вычурно. Он мог бы зваться Пико или Пако. Однако первым именем, на которое он отреагировал, стало Пард. Полностью оно звучало как Гаттопардо (что значит Леопард — я взяла его из романа Лампедузы^{*}).

Имя Гаттопардо показалось мне длинновато для столь небольшого существа, и я сократила его до Пардо, а затем до Пард.

Эй, крошка Пард! Надеюсь, тебе здесь понравится.

^{*} Джузеппе Томази ди Лампедуза (1896–1957) — родовитый итальянский аристократ, автор единственного романа «Леопард» (Gattopardo). Пер. на русский язык: *Ди Лампедуза Дж. Т. Леопард. Новеллы*. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. *Прим. перев.*

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

